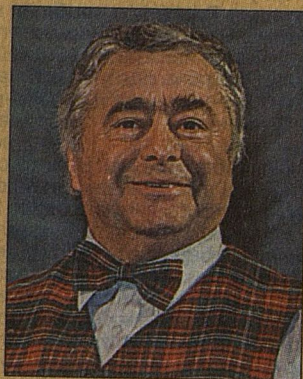

Кто хоть раз слышал
в его исполнении
монолог про раков
(вчера были большие
по пять рублей,
а сегодня по три,
но маленькие)
или про начальника
транспортного цеха -
не забудет никогда.
Одесситу по рождению
и складу ума, Роману
КАРЦЕВУ не так давно
было присуждено
звание «Легенда
Одессы».

В кино он запомнился
небольшими,
но яркими ролями в фильмах «Волшебный голос
Джельсомино», «Собачье сердце», «Биндюжник
и король», «Небеса обетованные», «Предсказание»,
«Старые клячи»...

ОДИССЕЯ ОДЕССИТА

- Роман Андреевич, в молодости вам не боязно было бросать хлебную профессию наладчика швейных машинок ради непредсказуемого артистического поприща?

- Нет, конечно. Сколько себя помню, всегда мечтал быть артистом. В детстве перебивал, кажется, во всех дворцах пионеров Одессы. После школы раз пять поступал в театральный институт. Не взяли. Нужно было как-то устраивать жизнь, вот я и освоил востребованную тогда профессию наладчика швейных машинок. В моем цеху было 80 девушек, которые целый день чего-то шили. Машинки ломались часто. В общем, работы хватало. Потом выучился на баковщика и занялся модельной обувью, которую, подзреваю, никто никогда не

носил, потому что я старался поскорее закончить работу, чтобы бежать на репетицию в народный театр «Парнас-2». Однажды гастролировавший в Одессе Райкин посмотрел наш спектакль «Я иду по улице» и пригласил меня в свой театр миниатюр. Я переехал в Ленинград, куда чуть позже переманил Милу Гвоздикову, Витю Ильченко и Мишу Жванецкого. Мы так вместе и держались - четыре одессита.

- Вы начали выступать в дуэте с Виктором Ильченко, когда на советской эстраде уже гремел украинско-российский тандем Тарапунька и Штепсель (Юрий Тимошенко и Ефим Березин). Вас не пугала перспектива остаться в их тени?

(Окончание на стр. 5)

ЗНАМЕНИТОСТИ

Тверская, 13. 2006. 28 янв. - 9, 1, 5

(Окончание. Начало на стр. 1)

- А Мария Миронова и Александр Менакер? А Лев Мирон и Марк Новицкий? Еще буйствовали на эстраде Аркадий Райкин, Виктор Чистяков... Тогда было много артистов разговорного жанра. И всем хватало и места под солнцем, и внимания зрителей. Тарапунька и Штепсель прославились как мастера парного концерта: резонер и его оппонент. Один, например, начинал: «Как ты мог, Тарапунька, так плохо думать о наших заводах и фабриках?» Другой защищался: «Нэ гавкай, Штепсель, наши заводы та фабрики ще не так добре працюють». И ха-ха-ха.

Хотя со временем они стали делать эстрадные спектакли, но наш дуэт все равно от них отличался. Мы никогда не играли концеранс, заполняя собой, скажем, паузы между песнями, а всегда создавали театральное действие, продолжая традиции райкинской школы. И «Собрание на ликероводочном заводе», и «Наш человек на складе», и «Везучий и невезучий» - все это маленькие пьески.

- Вы с Ильченко 7 лет проработали в театре у Райкина. Говорят, что мэтр ревностно отнесся к тому, что в 70-м вы стали лауреатами Всесоюзного конкурса артистов эстрады. И якобы это и явилось причиной вашего отделения...

- Мы отделились еще до того, как попали на конкурс. Не думаю, что Райкин ревновал. Он был настолько велик и неподражаем, что просто не мог кому-то завидовать. Кстати, Аркадий Исаакович должен был быть на том конкурсе председателем жюри, но не смог - у него начались неприятности со спектаклем. У нашего дуэта уже был большой и сильный репертуар, который мы успели обкатать на публике. И на конкурсе мы буквально «убили» всех наповал.

- Райкин обиделся, когда вы из Ленинграда вернулись в Одессу?

- Это стало ощутимой потерей для его театра: у нас было много номеров и хорошие отношения с труппой. Но отделиться нам было необходимо. Мы хотели делать уже только свое. Райкин - классик. А у нас появились абстрактные, несколько отвлеченные миниатюры, такие как «А вас?», «Кассир и клиент», «Теория относительности». Это хоть и в том же жанре, но в другом стиле. Поэтому я думаю, что Аркадий Исаакович в любом случае скорее гордился нами, чем ругал. Мы никогда его не подводили, не опускались до пошлости и похабщины, а продолжали традиции его театра миниатюр, но со своей концепцией, автором и режиссерами. Это не эстрада в чистом виде, а ближе к драматическому театру. За вечер приходится играть по 20 - 30 мини-спектаклей, где есть все: лирика, комедия, трагедия и фарс.

- Как вам удалось в 70-е не затеряться «на вольных хлебах»?

- У нас были тексты Жванецкого. Так, как пишет Миша, никто никогда не напишет. Мы с ним работаем уже пятый десяток и просто молимся на него. Плюс удача и труд. В 70-м мы ушли от Райкина вшестером и организовали в

Одессе свой театр миниатюр, где успешно поставили спектакли: «Как пройти на Дерибасовскую», «Кабаре шутников», «Встретились - разбежались». В Москве Марк Розовский сделал для нас блистательную постановку «Когда мы отдыхали», Роман Виктюк - «Браво, сатира». Было время, когда мы давали по тридцать спектаклей в месяц. Но каждый раз играть одинаково нельзя, все время нужно находить что-то такое, что и тебя, и публику заводило бы, при этом оставляя чувство недосказанности.

Четырнадцать лет назад в столице мы организовали еще один театр миниатюр, в котором сейчас Миша Жванецкий, Клара Новикова и я. К сожалению, уже без Вити Ильченко...

- Вам трудно было перестроиться с дуэта на соло?

- Конечно, трудно. У нас с Витей все было вместе: и работа, и отдых.

Дружили семьями. Он был высококультурным человеком, часто удерживал меня и Жванецкого от каких-то импульсивных, опрометчивых поступков. Это была дружба совершенно разных, но очень уважающих друг друга людей. В недавно вышедшей книжке воспоминаний «Малой, Сухой и Писатель» (это наши прозвища) я много говорю о Вите. Конечно, мне тяжело без него. Но жизнь продолжается.

Мне всегда нравилось оставаться с публикой один на один. Когда однажды Витя сломал ногу и три месяца не мог выйти на сцену, я сделал моноспектакль «Шут гороховый» по Чехову, Зоценко, Шолом-Алейхему и Жванецкому. И успешно играл это несколько лет. Следующий опыт в этом направлении - моноспектакль «Моя Одесса» - Витя мне режиссировал из зала незадолго до своей смерти. Теперь я играю без него уже третий спектакль...

Сейчас я решил вернуться к Даниилу Хармсу. При том юморе, который у нас царит на телевидении, это самоубийство. Но я не теряю надежды, что этот спектакль в постановке Михаила Левитина найдет своего зрителя. Играю вместе с сыном. Он не профессиональный ак-

тер. До этого, правда, снимался в сериалах, однако на сцену еще не выходил. Ему пока сложно. Да еще Хармс. Это же высшая математика юмора. Боюсь, сегодня его тексты будут звучать странно. Мы всех заранее предупреждаем: этот спектакль для людей легкомысленных, серьезным у нас делать нечего.

- Вы как-то сказали, что у Михаила Жванецкого настроение меняется по 15 раз на день. И вы сами, судя по всему, человек с непостоянным характером. Как вам удается столько лет сосуществовать без ссор и скандалов?

- Мы с Мишей редко видимся. Шутка ли - 44 года вместе. Даже муж с женой после стольких лет совместной жизни стараются не попадаться друг другу на глаза. Однажды мы с ним оказались в одной каюте «люкс» в морском круизе вокруг Европы. Мы так все устроили, что за 24 дня плавания ни он меня, ни я его не видел. Потом он пошутил: «Слушай, а где ты был целый месяц?» В жизни он веселый человек, но старайтесь

настоящий драматург. И самое главное - хорошо знает наши сильные и слабые стороны. И вообще встреча с Райкиным, Витей Ильченко и Мишей Жванецким - для меня большая удача. Эти люди определили всю мою жизнь.

- А телевизионщики вас не зовут к себе работать?

- Нет, они знают, что я не пойду. Приглашают лишь на всякие ток-шоу. Я дружу с телеканалом «Культура» еще со времен «Вокруг смеха». Вот, например, мое участие в передаче «Линия жизни»: оно построено в форме свободного разговора приглашенного гостя-артиста с публикой. Это мне нравится. А выявлять «счастливчика» или определять «слабое звено» мне не интересно.

- Почему вы не работаете с молодыми авторами?

- Так нет ни молодых, ни старых. Трушкин или Коклюшкин - это совсем другое, это

штука: говорить можно обо всем, а сатиры у нас нет. Лучше откройте наугад любую книгу Салтыкова-Щедрина, и вы наверняка прочтете о том, что сейчас происходит в России.

- Расскажите, как при советской власти дали экранизировать самую антисоветскую повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце», где вы сыграли роль Швондера?

- Это заслуга режиссера Владимира Бортко. А Швондер и Шариков - фигуры, мне хорошо знакомые. Это нарицательные типы. Они не вымрут никогда. Я столько их перевидел в жизни и переиграл в миниатюрах, что мне над ролью особенно и работать-то не пришлось. Недавно снялся у Бортко в сериале «Мастер и Маргарита», где сыграл дядю Берлиоза Поплавского, который после гибели племянника приезжает из Киева «по квартирному вопросу».

мню, в 70-е я читал «слепые» машинописные листы «Собачьего сердца» под одеялом. Боялся, что привлекут за распространение антисоветчины. И уж точно даже мечтать не мог, что когда-то там сыграю. Самые блестящие фильмы в истории кино были сделаны по романам. «Унесенные ветром», «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетера», «Война и мир», «Анна Каренина»... Все зависит, как снимут и как сыграют. Иногда на экране получается даже интереснее, чем в книге. Не у всех читателей хватает фантазии домысливать пейзажи или костюмы. На экране же все видишь воочию.

Кино для меня - это удовольствие встречаться с интересными людьми. Сам процесс съемок - мутное дело. Целый день сидишь, маешься. Но, например, на фильмах Эльдара Рязанова мы вели долгие разговоры с Гафтом, Броневым, Ахеджаковой... С ними интересно. Я вам честно скажу, не могу общаться с эстрадными артистами. Они все время шутят или травят анекдоты. Беспорядочно. Профессия все-таки накладывает свой отпечаток на личность.

- Почему в исполняемых вами в последние годы миниатюрах звучит больше грусти, чем смеха? Тому есть личные причины?

- Личных причин нет. У меня хорошая жена Вика, отличные дети и внуки потрясающие. Наверное, грусть - это возрастное. К тому же в нашем репертуаре всегда были лирические вещи. Райкин в своих смешных спектаклях читал такие щемящие монологи, что публика в зале плакала. Жанр, в котором мы работаем, позволяет делать все.

- Что бы вы пожелали вашему зрителю?

- Что я могу пожелать? Во-первых, если я появляюсь, значит, сходить. Потому что, сколько там мне осталось. А во-вторых, - не терять чувство юмора. Одесситы, например, шутили в самые тяжелые времена: в войну, голод, революцию. Просто они так друг с другом разговаривают, они так живут. Это помогает. Если жестко уходить в себя, все время переживать или злиться - ни к чему хорошему это не приведет. Я за то, чтобы ввести в школы урок юмора. Пускай дети разыгрывают сценки, читают басни в лицах и кривляются. Чувство юмора можно пробудить. В старших классах, может быть, они достанут до Зоценко или Жванецкого. Мне кажется, веселый человек не пойдет на убийство или какое-нибудь другое преступление.

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ

